
ХРИСТИАНСТВО В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ БЕЛАРУСИ (К 1030-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ)

ХРЫСЦІЯНСТВА Ў ГІСТАРЫЧНЫМ ЛЁСЕ БЕЛАРУСІ (ДА 1030-ГОДДЗЯ ХРЫШЧЭННЯ КІЕЎСКАЙ РУСІ)

CHRISTIANITY IN THE HISTORICAL FATE OF BELARUS (TO THE 1030th ANNIVERSARY OF KIEV RUS' CHRISTIANIZATION)

УДК 94(47).02+281.93

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В. А. ФЕДОСИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема христианизации Киевской Руси в контексте политической и религиозной истории средневековой Европы. Предпринята попытка провести сравнительный анализ развития христианства в Западной Европе и христианства в Византии в период раннего Средневековья и начала Высокого Средневековья. Особое внимание уделено сравнительному анализу начала процесса христианизации Скандинавии и начала христианизации Киевской Руси. Исследуется роль «норманнского фактора» в христианизации Киевской Руси. Отмечается, что Византия являлась мощной культурной матрицей для восточных славян, принятие христианства из Византии дало возможность прямого приобщения Руси к античному культурному наследию, однако по своему характеру это было позднеантичное и христианское наследие. На примере средневековой христианской «доктрины четырех царств» в истории человечества показывается, что в этом наследии были утрачены представления о полисах Греции и римской цивитас. На основе данных, приведенных в «Повести временных лет», доказывается, что отношение к западному христианству в Киевской Руси не являлось враждебным, многие противоречия между византийской и римской церквями не были понятными и актуальными для христиан Киевской Руси.

Ключевые слова: христианизация Киевской Руси; средневековая Европа; норманны; Византия и славяне; варвары; западное и восточное христианство; античное наследие.

Образец цитирования:

Федосик В. А. Христианизация Киевской Руси в контексте европейского Средневековья // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. 2018. № 1. С. 10–24.

For citation:

Fiadosik V. A. Christianization of Kievan Rus' in the context of European Middle Ages. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2018. No. 1. P. 10–24 (in Russ.).

Автор:

Виктор Анатольевич Федосик – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Victar A. Fiadosik, doctor of science (history), full professor; head of the department of Ancient and Medieval history, faculty of history.
v.fedosik@mail.ru

ХРЫСЦІЯНІЗАЦЫЯ КІЕЎСКОЙ РУСІ Ў КАНТЭКСЦЕ ЕЎРАПЕЙСКАГА СЯРЭДНЯВЕЧЧА

В. А. ФЯДОСІК^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Разглядаецца праблема хрысціянізацыі Кіеўскай Русі ў кантэксце палітычнай і рэлігійнай гісторыі сярэднявечнай Еўропы. Здзейснена спроба правесці параўнальны аналіз развіцця хрысціянства ў Заходняй Еўропе і хрысціянства ў Візантыі ў перыяд ранняга і пачатку Высокага Сярэднявечча. Асабліва ўвага нададзена параўнальнаму аналізу пачатку працэсаў хрысціянізацыі Скандынавіі і Кіеўскай Русі. Даследуецца роля «нарманскага фактару» ў хрысціянізацыі Кіеўскай Русі. Адзначаецца, што Візантыя з'яўлялася магутнай культурнай матрыцай для ўсходніх славян, прыняцце хрысціянства з Візантыі дало магчымасць прамога далучэння Русі да антычнай культурнай спадчыны. Аднак па сваім характары гэта была познеантычная і хрысціянская спадчына. На прыкладзе сярэднявечнай хрысціянскай «дактрыны чатырох царстваў» у гісторыі чалавечтва паказваецца, што ў гэтай спадчыне былі страчаны ўяўленні аб полісах Грэцыі і рымскай цывіласці. На падставе звестак, прыведзеных у «Аповесці мінулых гадоў», даказваецца, што адносіны да заходняга хрысціянства ў Кіеўскай Русі не з'яўляліся варожымі, многія супярэчнасці паміж візантыйскай і рымскай царквамі не былі зразумелымі і актуальнымі для хрысціян Кіеўскай Русі.

Ключавыя словы: хрысціянізацыя Кіеўскай Русі; сярэднявечная Еўропа; нарманы; Візантыя і славяне; варвары; заходняе і ўсходняе хрысціянства; антычная спадчына.

CHRISTIANIZATION OF KIEVAN RUS' IN THE CONTEXT OF EUROPEAN MIDDLE AGES

V. A. FIADOSIK^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

This article examines the Christianization of Kievan Rus' in the context of Medieval European political and religious history. It aims at comparative analysis of Christianity development in Western Europe and Byzantium in the Early and High Middle Ages with the specific focus on comparative analysis of the beginning of the Christianization process in Scandinavia and Kievan Rus'. The article explores the role of the «Norman's factor» in the Christianization of the Kievan Rus'. It claims that Byzantium was a powerful cultural model for Eastern Slavs, and Christianity gave them the opportunity to share the cultural heritage of Antiquity. But, qualitatively, this was a late-antique and Christian heritage. By using the example of the medieval Christian «four kingdoms» doctrine's role in the history of mankind, the article shows that the concepts of Greek polis and Roman civitas were lost in this heritage. By using evidence from «Povest Vremenykh Let» («Tale of Bygone Years») the article argues that Kievan Rus' did not perceive Western Christianity as a threat and many contradictions between the Byzantine and Roman churches were not understood or heeded by the Christians of Kievan Rus'.

Key words: Christianization of Kievan Rus'; Medieval Europe; Normans; Byzantine and Slavs; Western and Eastern Christianity; antique heritage.

Во времена поздней Античности христианство стало единственной официальной религией Римской империи – огромной державы, сердцевинной которой являлось Средиземноморье. Христианство возникло на востоке Римской империи, а уже в середине I в. н. э., как свидетельствуют христианские (прежде всего, послание «К римлянам», 16:2–15 апостола Павла) и нехристианские (Светоний. Нерон, 16; Тацит. Анналы, XV, 44) источники, немало его приверженцев проживало в самом сердце империи – в Риме [1, с. 215–220]. К началу IV в., когда развернулось самое масштабное и кровавое императорское гонение на христиан в Римской империи, они составляли примерно 10 % населения

империи, наиболее христианизированными при этом были восточные и североафриканские провинции, Греция, центр и юг Италии [2, с. 113; 3, р. 4; 4, р. 450–464; 5, с. 167; 6, с. 24].

Через несколько лет после гонения Диоклетиана Константин и Лициний – победители в развернувшихся войнах за императорскую власть – на встрече в Медиолане (вероятно, в феврале 313 г. [7, р. 153]) выработали и провозгласили новую религиозную политику, принципиально отличную от политики основателя режима домината. Основы новой религиозной политики домината были изложены в Миланском эдикте, содержание которого известно благодаря современникам тех событий –

Евсевия Кесарийскому и Лактанцию¹. Миланский эдикт провозгласил свободу любого вероисповедания в Римской империи, причем отдельно подчеркивалась свобода исповедания христианства.

Новая политика домината была рассчитана на установление религиозного мира в империи после бурных внутренних потрясений начала IV в. Обретенная христианством свобода исповедания еще не означала его уравнивания в правах с римским язычеством, которое не утратило государственного статуса. Все императоры, правившие до 383 г., являлись языческими великими понтификами, и только Грациан отказался от высшей жреческой должности. В 383 г., следует считать, произошла утрата язычеством государственного статуса в Римской империи [2, с. 191–192]. В условиях конкуренции христианство сумело взять верх всего через несколько десятков лет. Император Феодосий I в 392 г. окончательно запретил язычество во всех его проявлениях. В 394 г. император подчинил себе также и западную часть Римской империи и распространил на нее действие изданных законов [2, с. 197–213]. С этого времени христианство утвердилось в качестве единственной официальной религии Римской империи.

Единая христианская Римская империя существовала недолго. После смерти Феодосия I христианство в Риме окончательно разделилось на западное и восточное. Это было обусловлено тем, что Западная Римская империя в ходе Великого переселения народов не смогла устоять перед натиском варваров, устремившихся на ее земли. Множество народов, теснимых с востока гуннами, устремилось через венгерские степи на запад Европы. Ситуация оказалась гораздо более катастрофической, чем ранее: варвары еще в середине III в. глубоко проникали в балканские, испанские и другие провинции империи [8, р. 77–93], но после их разграбления они возвращались на свои земли к привычному образу жизни. Великое переселение народов лишило большинство из них такой возможности, поскольку возвращаться было некуда: земли были заняты другими народами, перемещавшимися под натиском гуннов. Основной натиск варваров пришелся на запад Европы и североафриканские римские провинции. Восточная Римская империя сумела отбить вторжения варваров, а Западная была разгромлена, и варварские народы создали на ее территории свои государства.

В эпоху Средневековья сформировалась западноевропейская цивилизация. Но в отличие от поздней Античности она не была единственной в Европе (как римская). На юго-востоке Европы Византия (Восточная Римская империя) существовала в течение практически всего Средневековья, византийцы имели полное право называть себя ромеями (римлянами) и считаться преемниками римской державы, это была еще одна средневековая европейская цивилизация. Однако уже в раннем Средневековье на Пиренейский полуостров распространилась арабо-исламская цивилизация, а в позднем Средневековье Балканский полуостров оказался под турецким владычеством.

Пути развития Западной Европы и Византии в Средневековье были разными. Это прежде всего и обусловило раскол христианства на две главные ветви – католичество и православие. В западноевропейской цивилизации сформировались феодальные отношения, которые в Византии не сложились: в социуме в системе отношений господство – подчинение, связи поземельной и личной зависимости так и не приобрели четкую структуру (сеньор – вассал, феодал – поземельно и лично зависимые крестьяне). Отличия также определялись и глубоким культурным упадком в раннем Средневековье Западной Европы и ее городов, бывших прежде средоточием жизни античных цивилизаций (такого упадка Византия не знала). Разными были и судьбы христианства в этих цивилизациях.

Не следует, однако, преувеличивать влияние религиозного фактора на падение Западной Римской империи. Христианский Рим в 410 и 455 гг. (резиденцией западноримских императоров давно уже была Равенна) захватывали христиане-вестготы и вандалы, хотя они и были приверженцами арианства. Так, например, предводитель вестготов Аларих запретил в Риме грабеж и разрушение церквей и усыпальниц христианских мучеников [9, с. 319].

Многие из варварских народов, сокрушивших Западную Римскую империю, приняли христианство еще во время вторжений либо сразу после создания своих королевств на западноримских землях. При этом почти все захватчики приняли христианство в арианском, а не в ортодоксальном никео-константинопольском виде. Так сделали вестготы, свевы, бургунды, а затем лангобарды [9, с. 312–319; 10, с. 49, 76, 86, 193; 11, с. 495, 499]. Исключением стали франки, сразу перешедшие от язычества

¹ Дискуссии о текстах распоряжений Константина и Лициния по итогам их встречи в Милане в изложении Евсевия (Церковная история, X, 5) и Лициния (О смерти гонителей, 48) с постановкой вопроса об отсутствии текста самого эдикта и наличия отдельных рескриптов правителей обусловлены во многом терминологической неопределенностью в обозначении Евсевием и Лактанцием цитируемых ими документов. Внимательное изучение хронологии событий по Евсевию (разгром Лицинием Максимиана Дазы на востоке империи и лишь после этого появление рескрипта Лициния для восточных провинций летом 313 г.) позволяют убедиться в реальности самого Миланского эдикта, введенного в действие первоначально Константином на западе империи (См.: *Федосик В. А.* Миланский эдикт и христианство в Римской империи (к 1700-летию Миланского эдикта) // Гуманитар.-эканам. веснік. 2013. № 2. С. 13–22).

к ортодоксальному христианству и использовавшие религиозную рознь как повод для того, чтобы развязывать войны против соседних варварских государств. Единая же вера завоевателей-франков и местного галло-римского населения не была разделяющим фактором в растущей державе франков. Под натиском последних и под ударами византийцев, стремившихся восстановить единую империю под властью Константинополя, вестготы, свевы, остготы, бургунды и вандалы в конечном счете приняли ортодоксальное христианство [10, с. 49, 76, 92–93; 12, р. 118–119; 144–146].

Византия, как верно отметил американский исследователь средневекового католицизма Дж. Линч, с VI по XI в. в глазах современников могла выглядеть «сердцевиной христианства», его центром и оплотом [13, р. 42–43]. В то же время на западе Европы христианство, унаследованное от Античности, столкнулось с серьезными вызовами. В варварских королевствах существовали две церкви: арианская (завоевателей) и ортодоксальная (местного населения). Варвары-ариане составляли незначительное меньшинство населения, но их церкви являлись государственными с фактическим верховенством короля и со своим богослужебным языком [9, с. 319]. Интеллектуальный уровень арианского духовенства при этом был несравнимо ниже, чем у местных священников-ортодоксов. Помимо прочего, христиане-варвары принесли с собой и множество своих языческих представлений. Отметим, что Византия сохраняла единую церковную структуру (целиком подчиненную императорской власти), в то время как в западном христианстве почти до конца раннего Средневековья не было подобной универсализации.

Серьезным вызовом стал прямой натиск язычества. В романизованной Британии местное христианское население было либо оттеснено язычниками – англами, саксами и ютами – на юго-запад Великобритании и на материк (Бретань), либо частично попало под их владычество, либо погибло от рук язычников-германцев [12, р. 165–166; 14, с. 127–137; 15, р. 62–64]. Как образно заметил Дж. Мурман, «Один и Тор заняли место Христа» [16, р. 9]¹. С конца VIII в. начались норманнские нашествия, язычники-викинги разоряли англо-саксонские королевства Британии (где обосновались с середины IX в.), Ирландию, державу франков, проникали в Средиземноморье [12, р. 99–108].

Еще в Античности христианство с трудом укоренялось в среде сельского населения, которое яро придерживалось языческих представлений, особенно связанных с годовым урожайным циклом. Вследствие этого термин *paganus* («сельский») получил значение «языческий». Проблема христианизации сельского населения сохранила особую актуальность для Западной Европы и в Средневе-

ковье. Для этой территории была характерна резкая аграризация экономики в результате упадка городской жизни в раннем Средневековье и расселения варварских народов, основу жизни которых составляло сельское хозяйство. Христианизация новых народов и стран Европы, которые не были затронуты романизацией, еще в большей степени актуализировала борьбу с язычеством в различных его проявлениях.

Христианизацию нельзя представлять упрощенно, например, в виде крещения монарха и насаждения новой религии сверху. Это, конечно, являлось одним из важнейших актов христианизации, но за ним должны были стоять глубокие изменения в самом обществе. В раннем Средневековье было немало примеров, когда смерть или свержение правителя-христианина влекли за собой восстановление язычества, например, в Кенте ютов, королевствах англов Нортумбрии и Восточной Англии и др. [11, с. 504; 15, р. 73, 83; 16, р. 16–18; 17, р. 181]. Сущностью процесса христианизации являлось утверждение христианских ценностей, смысла жизни, ментальных стереотипов и установок среди новообращенного населения. Источники того времени концентрируют внимание на обращении в христианство королей и знати, но гораздо более значимым был повседневный труд миссионеров, священнослужителей и монахов среди широких масс населения, утверждение ими христианских ценностей в течение долгого времени после дат, которые историками предлагается считать датами принятия христианства.

Основными центрами христианизации в Европе в раннем Средневековье являлись Византия, Рим, Ирландия. Из Византии христианство пришло в Болгарию, Великоморавское княжество, Сербию, а в Высоком Средневековье – в Киевскую Русь. Миссия Мефодия и Кирилла к западным и южным славянам, несмотря на принятие некоторыми народами римского варианта христианства, имела огромное значение. Характерно, что Хорватия и сегодня является единственной католической страной, где в языке и письменности литургии сохраняются славянский язык и глаголица [18, с. 705]. Византия в раннем и Высоком Средневековье являлась мощной матрицей, питавшей духовное и культурное развитие южных и восточных славян. В средневековую Беларусь, например, поступали книги как из Византии, так и из Болгарии и Сербии, переведенные на славянские языки и записанные кириллицей. Последующий упадок Византии негативно сказался на ее роли как культурной матрицы славянства.

На западе Европы в начале Средневековья ведущую роль в христианизации языческих народов играла ирландская церковь, корни которой восходят к деятельности святого Патрика. Это была

¹ Здесь и далее перевод наш. – В. Ф.

необычная церковь, сложившаяся еще в условиях кланового общества, со специфической монашеской структурой вместо епископальной и с аскетизмом, одним из важных средств которого считалось миссионерство среди язычников [9, s. 312–314; 16, p. 7–14; 19, p. 215; 20, p. 69–81]. Ирландия (в отличие от Британии) не была частью античного мира, наследие которого пришло туда только с христианством. Латинский язык ирландской церкви не подвергся такой варваризации, какая происходила на континенте (так как в Ирландии он был не обиходным, а книжным). Однако ирландская церковь имела немало заимствований из местного языческого наследия, наиболее явными из них были тонзуры (прически) священников, схожие с друидскими, и вечный огонь, который поддерживали монахини-бригиттки в монастыре в Килдаре [9, s. 314; 19, p. 216–217; 20, p. 72, 79–81]. Ирландские миссионеры распространяли христианство не только на Британских островах, но и на континенте. В самом конце VI в. в Кент прибыли миссионеры от римского папы Григория I, после чего начались конфликты в англо-саксонских королевствах римских миссионеров с ирландскими. С течением времени ирландская церковь признала примат римских пап [9, s. 315–316; 16, p. 12–21]. Римские миссионеры действовали среди языческих германских народов и славян (в основном, западных). Союз папства с франкской династией Каролингов, хотя и поставил его в зависимость от королевской (затем императорской) власти державы, но вместе с тем стал решающим фактором в установлении примата римских пап в западном христианстве. Это означало унификацию церковной структуры и жизни по римскому образцу в обширном государстве франков, а позже – и за его пределами. По мнению польского исследователя Ю. Келлера, союз папства с франкскими Каролингами ускорил разрыв западной и восточной церквей, а католицизм сформировался как сплетение разнородных элементов римского, галльского, испанского, британского и африканского христианства с их обилием противоречий, среди которых находили место и нехристианские верования [9, s. 320].

Наиболее существенные нехристианские элементы относились к земледельческой обрядности и соответствующим религиозным представлениям. Церковь вынуждена была считаться с традициями, крепко укоренившимися в крестьянской среде. Папа римский Григорий I в инструкции, отправленной аббату Меллиту в Британию, указывал, что места языческих поклонений следует окропить святой водой, воздвигнуть на них алтари, под которыми необходимо поместить христианские реликвии, тем самым превратив бывшие языческие святилища в места совершения «торжественных обрядов» для новоокрещенных христиан, а «культ дьявола» таким образом будет уничтожен. Григо-

рий I рекомендовал торжественно отмечать дни христианских святых в дни прежних языческих праздников, сохранив даже традицию закалывания животных, но не для жертвоприношений, а для пищи [21, p. 152–153]. Годовой литургический цикл католической церкви, формировавшийся в Средневековье, в конечном счете отразил в себе и земледельческий цикл языческого происхождения, но символический смысл был уже христианским.

Иная ситуация складывалась в Византии. Литургический цикл византийской церкви также впитал ряд элементов нехристианских культов и наполнил их христианским символическим содержанием, но эти культы восходили еще к римско-эллинистическим корням. Следует отметить, что византийская церковь в раннем Средневековье была более решительно настроена на борьбу с язычеством, чем церкви западного христианства. И не только церковь. В дискуссиях об иконоборчестве в Византии VIII–IX вв. исследователи называют самые различные – политические, социальные, экономические и др. – причины этого многогранного и сложного явления, а также снижение уровня образованности населения, противоречия государства и церкви и т. д. [22, с. 23–24; 23, p. 193; 24, s. 89–118]. При этом и теологи, и светские ученые нередко обходят стороной самый очевидный аспект иконоборчества – борьбу с языческими традициями почитания изображений людей (если это и признается, то иногда приписывается влиянию ислама [23, p. 193; 25, s. 75–76]). Начало иконоборчеству положил запрет почитания изображений святых, а император Константин V в 760 г. распорядился убрать реликвии святых из мест поклонения им [24, s. 100]. Иконоборчество, помимо иных его подробно исследованных аспектов, можно рассматривать и как продолжение религиозной политики императоров Античности, в частности традиций эдикта Феодосия I 386 г. [21, p. 19], ограничивавшего почитание реликвий святых из-за языческого отношения к этому культу. Императоры-иконоборцы вместе с частью духовенства попытались продолжить эту линию гораздо более радикальными мерами, однако в новых условиях (в том числе и христианизации славянских народов) этот курс оказался обречен на неудачу.

К началу христианизации Киевской Руси Византия второй половины X в. была уже не такой мощной империей как при расцвете во времена императора Юстиниана. Еще в VII в. под натиском арабов Византия утратила Сирию и Палестину в Азии, Египет и другие земли в Северной Африке. Под исламским владычеством оказались христианские патриархии Антиохии, Иерусалима, Александрии. На Балканском полуострове создали свои государства славяне. И, несмотря на то что при Василии II удалось расширить византийские владения в Закавказье, подчинить Болгарию, а немного

ранее – вернуть Антиохию, ситуация на периферии империи оставалась тревожной. Одним из важных средств византийской дипломатии были церковные контакты, использование в своих интересах христианизации соседних народов.

Византии удалось пережить своего главного конкурента на западе – империю франков, но в 962 г. возникла германская Священная Римская империя. Германские короли, создавшие эту западноевропейскую державу, получали императорскую корону от пап в Риме. Само название империи свидетельствовало о широких амбициях германских правителей. В XII в. епископ Фрейзингена Оттон (тезка создателя Священной Римской империи) во всемирной хронике изложил известную ему историю человечества в русле распространенной в Средневековье христианской концепции «четырех царств»¹. В основу этого понимания истории легло предсказание пророка Даниила о четырех зверях, олицетворяющих великие земные царства, после краха которых будет лишь вечное Божье царство (Дан. 2: 39–44). Христианская интерпретация этой концепции излагалась Киприаном в середине III в. в трактате *Quod idolae dii non sint* (5)² с перечислением четырех «царств», из которых последним земным было «римское царство». В Средние века идея «четырех царств» с ее эсхатологическим смыслом широко использовалась византийскими (Георгий Амартол, Константин Манассия и др. [26, с. 20–21, 142]), а затем и западноевропейскими хронистами, в самом конце Средневековья данная идея стала востребованной и в российских всемирных хрониках. Суть концепции предельно четко изложена в «Русском хронографе» 1512 г.: первый зверь – Вавилонское царство, второй – «Персское царство», третий – «Еллинское царство <...> имже владе Александръ Македонскій», четвертый – «Римское царство <...> и потом соудъ будетъ и царство дано будетъ святымъ от небеснаго»³. Именно «Римское царство» у средневековых хронистов являлось последней сильной державой. После Рима, по их мнению, других царств в земной истории человечества не будет, наступит конец света, и после Страшного суда придет царство Божье. Линейное течение земного времени человечества, таким образом, переходит в вечность времени божественного. Для византийцев (ромеев) именно их держава являлась тем «римским царством», крах которого приобретал эсхатологический оттенок. На западе Европы

после гибели Западной Римской империи для обоснования величия новой крупной державы следовало связать ее с Римом. В связи с этим и возникла традиция коронации германских королей именно в Риме, а также ранее полученный в результате коронации в этом городе в 800 г. титул Карла Великого «император римлян». Отметим, что византийцы согласились на признание Карла лишь «императором франков» [12, р. 273–274], а Оттон Фрейзингенский убежденно заявлял, что владычество римлян перешло от франков к германцам⁴.

Союз римских и франкских правителей, а также имперские амбиции последних (позже – германских королей) усилили противоречия между западной и восточной ветвями христианства. По мнению Г. Г. Литаврина, «с 800 г. началась история средневековой западной империи – бесспорные ранее претензии императора Константинополя на приоритет в христианском мире таковыми более не являлись» [27, с. 71]. Это вызвало резкое усиление дипломатической активности Византии. Церковные миссии отправились в Хазарию, Великую Моравию, к южным славянам, а затем и на Русь. Г. Г. Литаврин отмечает, что «религия стала важнейшим инструментом политического воздействия» [27, с. 71]. До признания империи Карла Великого, писал Г. Л. Курбатов, Византия претендовала на бывшие земли единой Римской империи и на главенство над всеми образовавшимися на ее территории государствами [28, с. 118]. В период правления Македонской династии, так называемый золотой век, снова была выдвинута идея мирового господства [27, с. 72]. Войны с арабами-мусульманами и языческими народами на европейских границах Византии придавали религиозный смысл этим конфликтам. При этом, как заключал В. В. Кучма, анализируя «Тактику Льва» (рубеж IX–X вв.), можно сделать вывод о том, что в византийской армии, в силу «многонационального характера государства», не насаждался религиозный фанатизм и ненависть к иноверцам [29, с. 77, 86]. Однако Константин VII Багрянородный в X в. решительно осуждал браки с иноверцами (возмущаясь браком василевса Льва IV с дочерью хазарского кагана), считая это нарушением церковных канонов и «христианского порядка» (Об управлении империей, 13)⁵. Неудачу похода арабов на Константинополь Константин VII объяснял «промыслом Божиим» и охраной города Богородицей (21)⁶.

¹ *Otto of Freising. The two cities. A chronicle of universal history to the year 1146 A. D.* New York : Columbia University Press, 2002. P. 91.

² *Cyprian T. S. Thasci Caecili Cypriani opera omnia // Corpus scr. ecclesiasticorum latinorum.* 1868. Vol. III. Part I. P. 22.

³ Полное собрание русских летописей. СПб., 1911. С. 173. Т. 22 : Русский хронограф. Вып. 1 : Хронограф под ред. 1512 года / Ред. С. П. Розанова.

⁴ *Otto of Freising. The two cities. A chronicle of universal history to the year 1146 A. D.* P. 383.

⁵ *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М. : Наука, 1989. С. 59–61.

⁶ Там же. С. 81.

Для византийских хронистов типично противопоставление христиан-ромеев и язычников-варваров при освещении отношений византийцев с «росами». Спор о значении термина «росы» имеет давнюю историю и продолжается по сей день. Наиболее приемлемой, по нашему мнению, выглядит изложенная Е. А. Мельниковой концепция трех этапов эволюции этого термина в византийских и древнерусских источниках. На первом этапе «росы» – это скандинавы, интегрированные в восточнославянское общество, на втором – политнические великокняжеские дружины, на третьем – *Ῥώσῑα* как обозначение подвластных великому князю в Киеве территорий¹.

Византиец Лев Диакон в труде «История» (IX, 6) акцентировал внимание на язычестве воинов Святослава, проявляющееся в описании их жертвоприношений при похоронах убитых после неудачной попытки вырваться из осажденного Доростола: «Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра»². Для византийцев это является одной из характеристик, позволяющих летописцам характеризовать росов времен похода Святослава как варваров. Приведем типичные фразы, употребленные в «Обзрении истории» Иоанна Скилицы. При описании сражения у Аркадиополя говорится: «Такое решение вызвало у *варваров* (выделено нами. – В. Ф.) великое презрение: они полагали, что и в самом деле Склир заперся среди стен и удерживает там ромейские фаланги, боясь вступить в бой»³; в описании боя Святослава с императорским войском у Доростола упоминается: «И император, и Свендослав стали воодушевлять своих подходящими к случаю словами поощрения. <...> Натиск ромеев был при первой стычке так силен, что ряды *варваров* (выделено нами. – В. Ф.) дрогнули, и многие из них пали»⁴. Разумеется, в греческом оригинале термин «император» дается как *Βασίλειος*⁵.

Противопоставление христиан-византийцев и язычников-росов присутствует и в «Повести временных лет» – созданной в церковных кругах Киевского летописи. Каждое описание походов киевских князей-язычников на византийский Константинополь включает в себя описание жестоких расправ «безбожных русских» над христианами-византийцами. В рассказе о походе Аскольда и Дира говорится: «Множество христиан убили и осадили Царьград», а спасение в виде бури, разметавшей корабли «безбожных русских», пришло после молитвы императора и патриарха с окунанием в море ризы Богородицы⁶. В описании похода Олега 907 г. упоминается: «И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги»⁷. В сообщении о неудачном походе Игоря на Византию в 941 г. выделяются описания зверств воинов Игоря в отношении захваченных византийцев-христиан, а также рассказы о сожжении многих церквей и монастырей: «А кого захватили – одних распинали, в других же, перед собой их ставя, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в головы. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли»⁸. Эсхатологическую интерпретацию воинственности росов дает византиец Лев Диакон, искажая библейскую фразу (с ее народом «Рош»): «О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: “Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос”»⁹.

Текст договора Олега с Византией, приводимый в «Повести временных лет» под 912 г. (6420), многими историками подвергался внимательному изучению. При этом следует отметить весьма существенный момент: в тексте содержится четкое разграничение язычников-руси и греков-христиан.

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. С. 307.

² Лев Диакон. История [Электронный ресурс] / пер. М. М. Копыленко. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Diakon_Lframetexty.htm (дата обращения: 08.10.2016).

³ Иоанн Скилица. Обзор истории [Электронный ресурс] / пер. М. М. Копыленко. URL: <http://vostlit.narod.ru/Texts/rus/Skyliza/text3.htm> (дата обращения: 08.10.2016).

⁴ Там же.

⁵ Σύνοψις ἱστορίων ἀρχομένη ἀπὸ τῆς ἀναίρεσεως Νικηφόρου βασιλεὺς τοῦ ἀπὸ γενικῶν καὶ μεχρὶ τῆς βασιλείας Ἰσαακίου τοῦ Κομνηνοῦ συγγραφείσα παρὰ Ἰωάννου κουροπαλάτου καὶ γεγονότος μεγάλου δρουγγαρίου τῆς βίβλου τοῦ Σκυλιτζῆ. [Electronic resource]. URL: http://users.uoa.gr/~nektar/history/tributes/byzantine_historians/joannes_scylitzes_synopsis_historiarum.htm (date of access: 10.12.2016).

⁶ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest01.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Лев Диакон. История [Электронный ресурс] / пер. М. М. Копыленко. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Diakon_L_II/index.phtml?id=7411 (дата обращения: 15.12.2016).

Если в современных переводах именуется «греческое царство», «греческий царь», то в древнерусском оригинале это звучит как «хрестьяньскому царству», «хрестьяньского цесаря»¹. То есть в переводе исчезает существенный акцент на отличие византийцев-христиан от язычников-руси, аккумулярованный в клятвах, содержащихся в окончании договора: «На утверждение же и неподвижение быти межи вами, хрестьяны, и Русью»².

В тексте договора Игоря с византийцами (945 г.) следует обратить внимание на отличия религиозной идентичности византийцев и руси. В оригинале текста летописи в этом договоре уже отсутствует прежняя идентификация термина «христиане» как синонима слова «греки». Это важное изменение связано с тем, что среди руси в то время были уже не только язычники, но и христиане, о чем свидетельствуют клятвы в конце договора и описание процедуры клятвы воинов Игоря: «И наутрѣ призва Игорь сли, и приде на холмы, где стояше Перунъ, и покладоша оружья своя, и щиты и золото, и ходи Игорь ротъ и мужи его, и елико поганья руси, а хрестьянну русь водиша въ церковь святаго Ильи <...> се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша варязи хрестьяни»³. Последняя фраза свидетельствует о присутствии христиан-варягов в войске Игоря.

Однако существенным оказывается тот факт, что в кратком тексте договора Святослава с Иоанном Цимисхием (971 г.) снова отсутствуют упоминания о наличии христиан среди руси, а Святослав клянется только языческими богами Перуном и Волосом⁴. В описании похода Святослава в «Повести временных лет» следует обратить внимание на характеристику византийцев: «Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней»⁵. Подобное восприятие было присуще в Средневековье западноевропейцам, они считали, что византийцы – изнеженные люди, незаслуженно живущие в богатстве и роскоши, предпочитавшие мечу и отваге в бою дипломатию и хитрость. Византийцам же западноевропейцы представлялись грубыми, необразованными и кровожадными варварами, не имевшими никакого отношения к наследию величия Рима, это были франки и латиняне, но истинными римлянами (греч. ромеями) византийцы называли только себя. Весьма

показателен в этом плане сравнительный анализ «Деяний франков» неизвестного автора и «Алексиады» Анны Комниной (XII в.). В «Деяниях франков» крестоносцы предстают храбрыми, отважными христианами-воинами, а византийцы видятся, хотя и христианами, но коварными, недоверяющими и трусливо опасующимися западных единоверцев (I, 2–3; II, 5–6; III, 9; X, 37)⁶. У Анны Комниной латиняне – злобные, коварные, лживые, болтливые, надменные и жестокие люди (для устрашения, по словам Анны Комниной, они носят на пиках головы убитых врагов, режут на куски младенцев и т. п.). Несмотря на то что латиняне – христиане, для византийцев они все равно варвары (X, 6, 8, 9, 11; XI, 1)⁷. Особенно возмущало автора участие в боях священников-латинян: «варвар-латинянин совершает службу, держа щит в левой руке и потрясая копьем в правой, он причащает телу и крови Господней, взирая на убийства, и сам становится “мужем крови”...» (X, 8)⁸. Дочь византийского императора Анна Комнина термином «варвары» характеризовала как латинян, так и мусульманские и языческие народы, впрочем, и далматов она считала варварами, не забывая добавить, что они «тоже были христианами» (IX, 1, 10; X, 3; XIII, 2, 3)⁹. В свою очередь, автор «Деяний франков» также употребляет термин «варвары», но применяет его к мусульманским народам (арабы, турки и др.) (III, 9; V, 13; VI, 14)¹⁰.

Внимание на существенное изменение внешнеполитической доктрины Византии, произошедшее в начале X в., в результате болгаро-византийских войн, обратил Г. Г. Литаврин. Войны велись между единоверцами, поскольку болгары приняли христианство из Византии, и этому требовалось новое идеологическое обоснование. Патриарх Николай Мистик сформулировал идею о том, что земли Болгарии принадлежали богоизбранной «державе ромеев», болгары же их отняли и не только вышли из подчинения ромеев, но и отважились на «братоубийственную войну», за что, по мнению патриарха, заслуживают суровой кары [27, с. 76]. Следует также учитывать, что принятие христианства Болгарией из Византии (несомненно способствовавшее консолидации ее правящей верхушки и славянского населения), разворачивалось в условиях острого конфликта между римским папой Николаем I

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 15.12.2016).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest02.htm> (дата обращения: 15.02.2016).

⁵ Там же.

⁶ Маякин Т. Г., Пиков Г. Г., Портных Л. В. Деяния франков и прочих иерусалимцев. Перевод на русский язык и комментарий. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 152, 154, 156, 157, 202.

⁷ Комнина А. Алексиада / вступ. статья, пер. и ком. А. Я. Любарского, отв. ред. А. П. Каждан. М.: Наука, 1965. С. 277, 283, 288–291, 294.

⁸ Там же. С. 282.

⁹ Там же. С. 247, 269, 283, 344, 345.

¹⁰ Маякин Т. Г., Пиков Г. Г., Портных Л. В. Деяния франков и прочих иерусалимцев. Перевод на русский язык и комментарий. С. 163, 169.

и константинопольским патриархом Фотием (так называемая Фотианская схизма) с их взаимными анафемами главных действующих лиц. За богословскими спорами, по мнению ряда исследователей, стоял именно конфликт византийской и римских церквей на почве распространения их влияния на славян [23, р. 195]. Весьма существенно, что после крещения Руси, пришедшего из Византии, обоснование византийцами конфликтов с Киевской Русью подобное объяснению болгаро-византийских войн использоваться уже не могло, поскольку Киевская Русь возникла не в византийских землях. Одним из таких конфликтов стал неудачный поход в 1043 г. Руси на Константинополь при Ярославе Мудром с последующим мирным соглашением в 1052 г. [30, с. 84].

Принятие христианства Киевской Русью из Византии было обусловлено множеством факторов, исследованию которых посвящено огромное количество научных работ. Попытка охарактеризовать эти работы с должной полнотой вряд ли уместна в рамках настоящей статьи, однако в контексте средневековой Европы внимание привлекают некоторые из них.

Анализ внешних связей Киевской Руси с другими государствами Европы по информации, содержащейся в «Повести временных лет», дает основания утверждать, что главное внимание уделялось отношениям с Византией. Этим сведениям в «Повести...» отведено несравнимо большее место, чем отношениям с другими странами. Даже первые сведения о Руси в «Повести...» связаны именно с Византией: «В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом»¹. Вряд ли будет преувеличением утверждение о том, что величие Киевской Руси определялось в «Повести временных лет» в первую очередь успехами в отношениях с Византией – средневековой продолжательницей величия Римской империи. Западноевропейский вектор привлекал внимание летописцев в значительно меньшей мере, из славянских стран наибольший интерес у них вызывали отношения Руси с Польшей, Болгарией, Чехией и Венгрией, при этом в основном повествуется о военных конфликтах.

Так, хронологически первое упоминание в летописи о войне великого киевского князя с Польшей относится к 981 г.: «В год 6489 (981). Пошел Владимир на поляков и захватил города их, Перемышль, Червен и другие города, которые и доныне под Русью»². Но уже под 996 г. польский князь Болеслав Храбрый (сменивший в 992 г. на престоле своего отца Мешко, основавшего польское государство) упоминается в перечне правителей западных государств, с которыми Владимир Святославович установил мирные отношения: «...и жил в мире с окрестными князьями – с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским»³. Из числа всех правителей государств на западе от Киевской Руси только о Болеславе Храбром в «Повести временных лет» рассказывается столь много и с рядом личных характеристик⁴.

Древнерусскими летописцами венгры показаны как активные участники средневековых политических событий в Европе (например, в связи с борьбой Византии с Болгарией, где венгры выступили союзниками Византии в 902 г.⁵). О Венгрии повествуется и в описании усобиц между древнерусскими князьями после Любечского съезда (1097 г.)⁶.

С Моравией связывается появление славянской письменности: «Для них ведь, моравов, первых созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских»⁷. Причем рассказ об этом у летописца весьма подробный, связанный, в частности, с именами не только Кирилла и Мефодия, но и моравских князей и византийского императора, безымянным остался только папа римский. Весьма существенно, что в «Повести...» очень положительно показана и роль римского папы в отстаивании письменности для славян: «Некие же стали хулить славянские книги, говоря, что “ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, согласно надписи Пилата, который на кресте Господнем написал (только на этих языках)”. Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто хулит славянские книги, сказав так: “Да исполнится слово Писания: *Пусть восхвалят Бога все народы*, и другое: *Пусть все народы восхвалят величие Божие*, поскольку дух святой дал им говорить. Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится»⁸.

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest01.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

² Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest02.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

³ Там же.

⁴ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest03.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

⁵ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest01.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

⁶ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest04.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

⁷ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest01.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

⁸ Там же.

Средневековая Болгария в «Повести временных лет», как правило, фигурирует в связи либо с Византией (войны между ними), либо с походами древнерусских князей на Болгарию и Византию (прежде всего, Святослава¹). О приходе кочевников-болгар и слиянии их с местным славянским населением в летописи не сообщается. В отношении Болгарии не просматривается строгого «русскоцентричного» принципа изложения автором «Повести временных лет» всемирной истории. Болгария – одна из немногих стран, упоминающихся в летописи, события в истории которой в ряде случаев напрямую не связываются с внешней политикой Древней Руси. В «Повести...» имеются описания двухсторонних болгарско-византийских отношений, важных событий в самой Болгарии. Видимо, это было связано с использованием при создании летописи византийских хроник: Георгия Амартола (в славянском переводе) и его «продолжений», Льва Дьякона и др.

О странах и народах к западу и северо-западу от Киевской Руси в «Повести временных лет» дается весьма скудная информация, чаще всего как о ближайших соседях. Так, в начале летописи среди народов, «дающих дань Руси», названы «литва, зимогола, корсь, нарова, ливы, – эти говорят на своих языках, они – от колена Иафета и живут в северных странах»².

Под 859 г. (6367) упоминаются «варяги из заморья», которые «взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей»³. Это было время активных грабительских и захватнических походов викингов на страны Западной Европы. Заморье, т. е. земли за Варяжским (Балтийским) морем, является слишком широким понятием для того, чтобы попытаться определить, из какой части Скандинавии были родом упомянутые варяги. Названия скандинавских государств в «Повести...» вовсе не употребляются. Даже в те времена, когда уже появились королевства Дания, Норвегия и Швеция (IX–X вв.), летописец предпочитает термины «варяги» и «заморье». Так, например, при описании конфликта Ярослава Мудрого с Мстиславом в 1024 г. указано: «И, возвратившись, пришел Ярослав в Новгород, и послал за море за варягами»⁴.

Призвание варягов Рюрика, Синеуса и Трувора в 862 г., о котором рассказывается в «Повести...», породило многовековую дискуссию, касающуюся

целого ряда проблем. Это были не только споры «норманистов» с «антинорманистами». Летописец сообщает, что в 862 г.: «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси»⁵. Дальнейший текст корректно будет привести на языке оригинала (по причине расхождения в переводе термина «готе»): «Сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся сөөе, друзии же урмани, аньгяне, инфи и готе, тако и си»⁶. По сути здесь руси (русь), шведы (сөөе), норманны (урмани), англы (аньгяне) и готе представлены как ветви варягов. Оставив в стороне дискуссию о том, кто такие те варяги, которые «назывались русью», и где они жили [30, с. 19–24], попытаемся сравнить действия норманнов на Руси и на Британских островах в IX в. Такой подход дает любопытный материал для исследований, несмотря на то, что сравнительный анализ далеких друг от друга регионов может показаться парадоксальным.

В данном случае следует учитывать прежде всего время появления первых государств в самой Скандинавии. Принято считать, что государственность ранее всего сложилась у данов, первый король которых, Годефред, был убит в 810 г. [12, р. 316–317]. Однако после гибели правителя начались кровавые усобицы, и не приходится говорить о единой королевской власти у данов даже в середине IX в. Норвежские земли были объединены королем Харальдом I Прекрасноволосым лишь в самом конце того же IX в. Схожий процесс объединения под единой властью локальных образований во главе с местными правителями происходил и в Швеции [12, р. 317].

Первое зафиксированное в источниках нападение норманнов на Британские острова обозначено 793 г. Жертвой норвежских викингов стал островной монастырь Линдисфарн около побережья Нортумбрии [12, р. 318]. Длительное время норманны придерживались тактики хищнических набегов, первая зимовка их флота состоялась в Ирландии в 840–841 гг., а в Великобритании в 851–852 гг. [12, р. 322; 15, р. 101]. В Ирландии в 830–40-х гг. норвежские викинги основали ряд своих поселений (Дублин, Лимерик, Уотерфорд и др.). В конце 840-х гг.

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest01.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest03.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

⁵ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest01.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

⁶ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / подг. текст, пер. и комментарии О. В. Творогова. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 15.12.2016).

в Ирландии разгорелась война между викингами-норвежцами и викингами-датчанами: к острову приплыл мощный датский флот, в битве сошлись несколько сотен кораблей, затем, в целях реставрации господства над Дублином, к Ирландии был отправлен и большой норвежский флот [15, р. 101]. В 865 г. к острову Великобритания приплыла так называемая Великая армия датских викингов. Они высадились в Восточной Англии, король которой заключил с ними мир [12, р. 328; 15, р. 102]. В 866 г. викинги ворвались в Нортумбрию и захватили ее столицу – Йорк, где поставили своего короля Эгберта из англов [12, р. 328; 15, р. 102]. В 868 г. викинги-даны ворвались в Мерсию, которая вынуждена была с ними заключить мир [12, р. 328]. Потом они заставили сделать то же самое и короля Уэссекса. По замечанию английского медиевиста Р. Коллинза, основным условием каждого такого мира была выплата выкупа викингам, хотя в первоисточниках об этом не упоминается [12, р. 328]. В то время викинги не оседали на землях Великобритании и не основывали своих королевств, главной их целью была добыча. Англосаксонские государства, заключая мир, фактически откупались от завоевателей с целью избежать убийств и разрушений, которые те несли с собой. В пользу этого свидетельствуют многочисленные факты о том, что викинги внимательно следили за политической ситуацией в королевствах, которые заключили с ними мир. Викинги были заинтересованы в крепкой королевской власти в этих государствах и в том, чтобы короли исправно собирали с населения подати, большая часть которых шла на выплаты завоевателям. Когда же кто-нибудь из королей не удовлетворял датчан, его смещали и ставили нового.

Очень важным представляется вывод Р. Коллинза об изменении стратегии викингов с середины 870-х гг. В 876 г. один из их вождей провозгласил себя королем Нортумбрии и начал раздавать земли своим воинам [12, р. 329]. Вскоре подобное произошло в Восточной Англии (879 г.) и Мерсии. К концу IX в. норвежские викинги создали свои маленькие королевства вокруг Дублина и Лимерика [12, р. 330, 332]. Исходя из данных о формировании государственности в самой Скандинавии, можно предположить, что первоначальное нежелание вождей викингов становиться королями покоренных англосаксонских государств гептархии в немалой степени объяснялось отсутствием у норманнов-завоевателей опыта государственного управления. По этой причине они заботились о стабильности местной англосаксонской королевской власти, которая обеспечивала им доход от завоеваний. Сами викинги создать систему взимания

податей не могли. Лишь чрезвычайные обстоятельства, приводившие к отсутствию местного короля, вынуждали норманнских вождей пробовать установить собственную королевскую власть. Первый опыт управления данов, проведенный в 876 г., оказался удачным, за ним последовали и другие. В Ирландии к тому времени появились короли и из викингов-норвежцев.

Можно сопоставить эти данные с известными сведениями о варягах в восточнославянских землях. Рюрик появляется в Новгороде в 862 г., а с 879 г. там правит Олег в качестве регента Игоря – малолетнего сына Рюрика. В 882 г. Олег захватывает Киев, убив правивших там скандинавов Аскольда и Дира. Опыт правления норманнов в англосаксонских королевствах того времени показывает, что норманны на чужих землях сохраняли существовавшие до них отношения, пытались «встроиться» в них для получения собственной выгоды. Во главе государств на чужих землях вожди норманнов становились после определенного периода ознакомления со сложившейся системой управления и контроля за ней. По сути, государственность была результатом развития местного населения, а норманны пользовались ее плодами.

На востоке Европы норманны стремились контролировать торговый путь «из варяг в греки», а их контакты с Византией вели к распространению христианства. Первым христианским мучеником в Киеве, как сообщает «Повесть временных лет», стал варяг «из Греческой земли», сына которого «старцы и бояре» потребовали принести в жертву языческим богам¹. Княгиня Ольга приняла крещение в Константинополе в 945 г. Судя по тексту «Повести...», византийский император, рассчитывая на военную помощь², намеревался заключить династический брак с овдовевшей княгиней, для чего и требовалось ее крещение. Подобно этому необходимо было и крещение Владимира Святославовича для брака с византийской царевной Анной. «Корсунская легенда», повествующая о крещении Владимира в Корсунь, а не в Киеве либо Василеве, давно стала предметом острых дискуссий, в ходе которых обнаружили разительные расхождения в изложении «Повести временных лет» (в которой уже изложены основы дискуссии) с данными византийских источников [31, с. 106–107; 32, с. 220–237]. Однако следует обратить внимание на религиозный аспект «Корсунской легенды», созданной автором «Повести временных лет». Летописцы, откладывая описание момента принятия Владимиром христианства, вводят в повествование два «чуда». Первый раз Владимир обещает принять христианство, если возьмет Корсунь. В данном

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest01.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

² Повесть временных лет [Электронный ресурс] / подг. текст, пер. и комментарии О. В. Творогова. URL: <http://lib.pushkin-skijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 15.12.2016).

случае прослеживается прямая параллель с Хлодвигом в битве с алеманнами у Григория Турского. Во второй раз князь исцеляется от слепоты, в чем видится параллель с популярной историей византийских хроник об исцелении Константина Великого при крещении (позже история была дополнена и переделана в Риме в «Константинов дар»¹). Кириллу Туровскому была известна легенда об исцелении Константина при принятии им христианского крещения, в дальнейшем пересказ этой истории, взятой из «Хроники» Георгия Амартола, был включен в «Русский хронограф» 1512 г., разумеется, без добавленных позднее в Риме фраз о даровании папе Сильвестру власти духовной над христианами Римской империи и светской над ее западной частью².

Весьма важную особенность в христианизации норманнов выявил Р. Коллинз. По наблюдению медиевиста, на землях англосаксов христианизация норманнов произошла быстрее и намного раньше, чем христианизация в самой Скандинавии, свою роль в этом сыграла среда местного христианского населения [12, р. 334], при этом христианизация не была связана с их военными поражениями, как это происходило на западе Франции. В самой Скандинавии об успехах христианизации Норвегии и Швеции, по мнению Р. Коллинза, несмотря на факты ранней деятельности миссионеров и давление сильных континентальных христианских держав, можно говорить лишь с того времени, когда доминирующее королевство усиливалось и подчиняло себе остальные (конец X в. – начало XI в.), в Дании же это произошло в X в. [12, р. 334–335]. Исследователь полагает, что христианизация правящей в Киевской Руси норманнской династии была обусловлена византийским культурным и религиозным влиянием на местное население задолго до появления там норманнов [12, р. 335–336]. В связи с этим обратим внимание на легенду об апостоле Андрее Первозванном.

В «Повести временных лет» к римским временам возводится путешествие апостола Андрея Первозванного из Синопа в Корсунь и далее вверх по Днепру (к месту будущего Киева), затем – к месту будущего Новгорода, после чего он «отправился в страну варягов», а затем – в Рим³. По сути этот маршрут повторяет путь «из варяг в греки», но в об-

ратном направлении. Понятны требование «римской древности» к апостолу прибыть в Рим и замысел сюжета о посещении им восточнославянских земель, однако остается вопрос о причине включения в повествование «страны варягов».

Можно заметить, что в «Повести временных лет» не содержится резкого противопоставления византийского христианства (православия) западному (католическому). События 1054 г., считающиеся окончательным расколом христианской церкви на православную и католическую, вовсе не отражены в летописи. Более того, исключительно в положительном свете показана роль папы римского в поддержке деятельности Кирилла и Мефодия. В летописной легенде о выслушивании князем Владимиром при выборе веры миссионеров различных монотеистических религий единственным указанным отличием западной ветви христианства от восточной является хлеб (опресноки или квасный хлеб) для таинства причащения⁴ – одного из элементов ритуала главного христианского обряда, сердцевины литургии. О других расхождениях повествуется в рассказе о наставлении князя Владимира при крещении: учение латинян искажено, поскольку они «войдя в церковь, не поклоняются иконам, но, стоя, кланяются», а апостолы учили «читать иконы». Здесь наблюдается явное акцентирование внимания на византийское иконопочитание, что было актуальным в Византии после многолетнего тяжелого противостояния иконоборчеству. Любопытно, что о таком важнейшем событии в византийской истории как иконоборчество в «Повести временных лет» не сообщается. Так, например, под 1065 г. повествуется о разных знамениях, в том числе и «при царе Константине Иконоборце, сыне Леона»⁵, но что такое иконоборчество не разъясняется.

Следует отметить, что римские папы были яростными противниками иконоборчества. В 730 г. папа Григорий II писал византийскому императору Льву Исавру: «Ты отрекся от святых отцов и учителей наших. <...> Ты говоришь, что мы поклоняемся камням, стенам и доскам. Это не так, император, как ты говоришь. Иконы служат нам только средством для напоминания; они пробуждают и возносят наш ленивый, неискусный и грубый ум в горний мир. <...> Мы почитаем иконы не как богов»⁶.

¹ Матвеев В., Щеголева Л. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола): рус. текст, коммент., указ. М.: Богородицкий печатник, 2000. С. 262–264; Edictum Constantini ad Silvestrum papam // Patrologiae cursus completus. Patrologia Latina: in 217 vol. Parisiis, 1844. Vol. 8. Col. 567–578.

² Кірыла Тураўскі. Слова на сабор 318 святых айцоў // Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.). Мінск, 2007. С. 55; Полное собрание русских летописей. СПб., 1911. Т. 22: Русский хронограф. Вып. 1. Хронограф редакции 1512 года / ред. С. П. Розанова. С. 263–264.

³ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest01.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

⁴ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest02.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

⁵ Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д. С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest03.htm> (дата обращения: 15.12.2016).

⁶ Акимов В. В. Вселенские соборы. Минск: Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла, 2010. С. 111.

Разъяснение в «Повести временных лет» о почитании икон, очевидно, восходят к этим разногласиям, малопонятным новообращенным христианам Киевской Руси. В целом же, анализ текстов «Повести временных лет» показывает, что в летописи не содержится агрессивная враждебность к «латинству» как вероисповеданию. Новокрещенная Киевская Русь только вливалась в «мир православный». Если для византийской церкви противостояние с римской церковью и папством, установившим к тому времени свой примат в западноевропейском христианстве, было уже сформировавшимся фактором, связанным с цивилизационным разделом Европы, то для Русской православной церкви намного более актуальной задачей в то время являлась христианизация населения – длительный процесс, отнюдь не сводившийся к крещению великого князя и всех его подданных.

Важным результатом христианизации Киевской Руси являлось ее прямое приобщение к античному наследию от первоисточника – Византии как сохранившейся восточной части Римской империи. Византия являлась мощной культурной матрицей для Киевской Руси. Однако такое явление не наблюдалось на варваризованном западе средневековой Европы, где едва ли не единственным носителем античного наследия оставалась христианская церковь, долгое время действовавшая в условиях глубокого культурного упадка. Невозможно

представить на западе Европы в IX в. женщину-поэтессу, подобную византийской монахине Кассии. Однако следует понимать, что античное наследие в Киевской Руси имело позднеантичное и христианское содержание. Наиболее отчетливо это проявлялось в изложении античной истории средневековыми византийскими (а затем и российскими) хронистами, где в истории «четырех царств» человечества «царство греческое» сводилось к державе Александра Македонского, а «римское царство» – к истории семи царей и к римской монархии, начиная от Юлия Цезаря¹. В этой концепции истории не было места греческому полису и римской цивитас, средневековый человек, живший в общественных связях господство–подчинение, не представлял себе отношений, в которых все граждане были бы равны в правах перед законом. История греческих полисов и римской республики была для средневекового человека (с его социальными стереотипами) абсолютно непонятна. На западе Европы в условиях разрывавшихся в позднем Средневековье феодальных уз зависимости пытливые умы гуманистов Возрождения в поисках новой модели отношений между людьми в обществе обращаются к этим явлениям Античности, неизвестным в «темном», по их мнению, Средневековье. Однако тогда, в начале Высокого Средневековья, византийское наследие стало для Киевской Руси важнейшим фактором для подлинного рывка в цивилизационном развитии.

Библиографические ссылки

1. Торканевский А. А. Римская община по данным послания к римлянам апостола Павла // Працы гістарычнага факультэта БДУ : науч. сб. Минск, 2008. Вып. 3. С. 215–220.
2. Казаков М. М. Христианизация Римской империи в IV веке. Смоленск : Универсум, 2002.
3. Goodenough E. R. The church in the Roman Empire. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1931.
4. Harnack A. The mission and expansion of Christianity in the first three centuries. New York : Harper and Row Publishers, 1972.
5. Keller J. Wczesny Kościół i jego organizacja // Katolicyzm starożytny jako forma rozwoju pierwotnego chrześcijaństwa / pod red. J. Kellera. Warszawa, 1969. S. 157–192.
6. Kłoczowski J. Wspólnoty chrześcijańskie. Kraków : Znak, 1964.
7. History of the church / ed. by H. Jedin, J. Polan : in 7 vols. New York : Crossroad, 1993. Vol. 1 : Baus K. From the apostolic community to Constantine.
8. Brauer G. The age of the soldier emperors. Imperial Rome, A. D. 244–284. New Jersey : Noyes Press, 1975.
9. Keller J. Katolicyzm a rozwój chrześcijaństwa w kościołach krajowych na Zachodzie // Katolicyzm starożytny jako forma rozwoju pierwotnego chrześcijaństwa / pod red. Y. Kellera. Warszawa, 1969. S. 295–325.
10. Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М. : МГУ, 1984.
11. Riche P. Od Grzegorza Wielkiego do Pepina Krótkiego (od VII do połowy VIII wieku) // Warren H. Historia chrześcijaństwa : v 6 t. Warszawa, 1999. T. 4 : Biskupi, mnisi i cesarze 610–1054. S. 491–550.
12. Collins R. Early Medieval Europe 300–1000. New York : St. Martin's Press, 1994.
13. Лінч Дж. Середньовічна церква / пер. с англ. В. Шовкун. Київ : Основи, 1994.
14. Малюгин О. И. Христианство на Британских островах в период «темных веков» // Ученые записки : сб. науч. статей фак. теологии ЕГУ. Минск, 2004. Вып. 2. С. 127–137.
15. James E. The Northern world in the Dark Ages // The Oxford history of medieval Europe / ed. by George Holmes. Oxford, 1992. P. 59–108.
16. Moorman J. R. H. A history of the Church in England. London : Redwood Press, 1973.
17. Walker W. A history of the Christian Church. New York : Scribner, 1970.

¹ Матвеев В., Шеголева Л. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Рус. текст, коммент., указат. М. : Богородицкий печатник. С. 45–46, 169–174; Полное собрание русских летописей. СПб., 1911. Т. 22 : Русский хронограф. Вып. 1 : Хронограф редакции 1512 года / ред. С. П. Розанова. С. 185, 228.

18. Kłoczowski J. Nowe chrześcijaństwo świata zachodniego. Chrzystianizacja Słowian, Skandynawów i Węgrów między IX a XI wiekiem // Warren H. Historia chrześcijaństwa : v 6 t. Warszawa, 1999. T. 4 : Biskupi, mnisi i cesarze 610–1054. S. 691–730.
19. Hanawalt E. A. The Christian Empire and the Early Middle Ages // Kee H. C., Hanawalt E. A., Linberg C., et al. Cristianity. A social and cultural history. New York ; Toronto, 1991.
20. McNeill J. T. The Celtic Churches. A history A. D. 200 to 1200. Chicago : University of Chicago Press, 1974. P. 69–81.
21. Hillgarth J. N. Christianity and paganism 350–750: the conversion of Western Europe. Philadelphia : University of Pennsylvania press, 1986.
22. Литаврин Г. Г. Византийская империя во второй половине VII–XII в. // Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. / отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М., 1989. С. 11–35.
23. Clouse R. G., Pierard R. V., Yamauchi E. M. Two Kingdoms. The Church and culture through the ages. Chicago : Moody Publishers, 1993.
24. Dagron G. Ikonoklasm i ustanowienie ortodoksji (728–847) // Warren H. Historia chrześcijaństwa : v 6 t. Warszawa, 1999. T. 4 : Biskupi, mnisi i cesarze 610–1054. S. 89–118.
25. Ostrowski J. Między Bosforem a Eufratem. Wrocław : Ossolińskich, 2005.
26. Фядосік В. А. Антычнасць вачыма Сярэднявечча. Мінск : БДУ, 2016.
27. Литаврин Г. Г. Политическая теория в Византии с середины VII до начала XIII в. // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. / отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М., 1989. С. 59–88.
28. Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. IV – первая половина VII в. / отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1984. С. 98–118.
29. Кучма В. В. «Тактика Льва» как исторический источник // Визант. временник. 1972. Т. 32. С. 75–87.
30. Толочко П. П. Древняя Русь. Киев : Наукова думка, 1967.
31. Рапов О. М. Официальное крещение Руси в конце X в. // Введение христианства на Руси / отв. ред. А. Д. Сухов. М., 1987. С. 92–123.
32. Поннэ А. Политический фон крещения Руси (руско-византийские отношения в 986–989 годах) // Прошин Г., Раушенбах Б. В., Поппэ А. и др. Как была крещена Русь. 2-е изд. М., 1990. С. 202–240.

References

1. Torkanevskii A. A. [The Roman community according to the epistle to the Romans of the apostle Paul]. *Pracy gis-tarychnaga fakul'tjeta BDU* : sci. collect. Minsk, 2008. Issue. 3. P. 215–220 (in Russ.).
2. Kazakov M. M. [Christianization of Roman Empire in the IV century]. Smolensk : Universum, 2002 (in Russ.).
3. Goodenough E. R. The church in the Roman Empire. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1931.
4. Harnack A. The mission and expansion of Christianity in the first three centuries. New York : Harper and Row Publishers, 1972.
5. Keller J. [Early Church and its Organization]. In: *Katolicyzm starożytny jako forma rozwoju pierwotnego chrześcijaństwa*. Warszawa, 1969. P. 157–192 (in Pol.).
6. Kłoczowski J. [Christian communities]. Kraków : Znak, 1964 (in Pol.).
7. Jedin H., Polan J. (eds). History of the church : in 7 vols. New York : Crossroad Publishing Co., 1993. Vol. 1 : Baus K. From the apostolic community to Constantine.
8. Brauer G. The age of the soldier emperors. Imperial Rome, A. D. 244–284. New Jersey : Noyes Press, 1975.
9. Keller J. [Catholicism and the development Christianity in national states in the West]. In: *Katolicyzm starożytny jako forma rozwoju pierwotnego chrześcijaństwa*. Warszawa, 1969. P. 295–325 (in Pol.).
10. Korsunskii A. R., Gyunther R. [The decline and death of the Western Roman Empire and the emergence of Germanic kingdoms]. Moscow : MSU, 1984 (in Russ.).
11. Riche P. [From Gregory the Great to Pippin the Short]. In: *Historia chrześcijaństwa* [history of Christianity] : in 6 vols. Warszawa, 1999. Vol. 4 : [Bishops, monks and calars 610–1054]. P. 491–550 (in Pol.).
12. Collins R. Early Medieval Europe 300–1000. New York : St. Martin's Press, 1994.
13. Lynch J. H. [The Medieval Church]. Kiev : Osnovy, 1994 (in Ukrainian).
14. Maliugin O. I. [Christianity in the British Isles during the period of the «Dark Ages»]. *Uchenye zapiski* [scientific memorandum] : collect. of sci. articles fak. theol. ESU. Minsk : ESU, 2004. P. 127–137 (in Russ.).
15. James E. The Northern world in the Dark Ages. In: *The Oxford history of medieval Europe*. Oxford, 1992. P. 59–108.
16. Moorman J. R. H. A history of the Church in England. London : Redwood Press, 1973.
17. Walker W. A history of the Christian Church. New York : Scribner, 1970.
18. Kłoczowski J. [New Christianity of the Western World. Christianization of Slavs, Scandinavians and Hungarians between the IX and XI centuries]. In: *Historia chrześcijaństwa* [History of Christianity] : in 6 vols. Warszawa, 1999. Vol. 4 : [Bishops, monks and ceasars 610–1054]. P. 691–730 (in Pol.).
19. Hanawalt E. A. The Christian Empire and the Early Middle Ages. In: *Cristianity. A social and cultural history*. New York ; Toronto, 1991.
20. McNeill J. T. The Celtic Churches. A history A. D. 200 to 1200. Chicago : University of Chicago Press. 1974. P. 69–81.
21. Hillgarth J. N. Chrsianity and paganism 350–750. The conversion of Western Europe. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1986.
22. Litavrin G. G. [Byzantine Empire in the second half of the VII–XII century]. In: *Kul'tura Vizantii. Vtoraya polovina VII–XII v.* [Byzantine culture in the second half VII–XII century]. Moscow, 1989. P. 11–35 (in Russ.).
23. Clouse R. G., Pierard R. V., Yamauchi E. M. Two Kingdoms. The Church and culture through the ages. Chicago : Moody Publishers, 1993.
24. Dagron G. [Ikonoklasm and establishment of orthodoxy (728–847)]. In: *Historia chrzescijanstwa* [History of Christianity] : in 6 vols. Warszawa, 1999. Vol. 4: [Bishops, monks and ceasars 610–1054]. P. 89–118 (in Pol.).

25. Ostrowski J. [Between the Bosphorus and Euphrates]. Wrocław : Ossolińskich, 2005 (in Pol.).
26. Fjadosik V. A. [Antiquity in the eyes of Middle Ages]. Minsk : BSU, 2016 (in Belarus.).
27. Litavrin G. G. [The political theory in Byzantium from the Middle of the VII to the beginning of the XIII century]. In: *Ku'ltura Vizantii. Vtoraya polovina VII–XII v.* [Byzantine culture in the second half VII–XII century]. Moscow, 1989. P. 59–88 (in Russ.).
28. Kurbatov G. L. [The political theory in early Byzantium. The ideology of emperor's power and aristocratic opposition]. In: *Ku'ltura Vizantii. IV – pervaya polovina VII v.* [Byzantine culture in the second half VII–XII century]. Moscow, 1984. P. 98–118 (in Russ.).
29. Kuchma V. V. [«Tactics of Leo» as a historical source]. *Vizantiiskii vrem.* 1972. Vol. 32. P. 75–87 (in Russ.).
30. Tolochko P. P. [Ancient Rus]. Kiev : Naukova dumka, 1967 (in Russ.).
31. Rapov O. M. [The official Baptism of Rus' in the end of the X century]. In: *Vvedenie khristianstva na Rusi* [Introduction of Christianity in Russia]. Moscow, 1987. P. 92–123 (in Russ.).
32. Poppe A. [The political background of the Baptism of Rus' (Russian-Byzantine relations in 986–989)]. In: *Kak byla kreshchena Rus'* [How the Rus' was Baptized]. Moscow, 1990. P. 202–240 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 02.11.2017.
Received by editorial board 02.11.2017.